

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

НОВЫЙ НИГИЛИЗМ

Питер Лэмборн Уилсон, Хаким Бей

Питер Лэмборн Уилсон, Хаким Бей
Новый нигилизм
2014

Скопировано 13.02.2020 с
<https://zubynapolku.info/texts/new-nihilism.html>
Оригинальная публикация: “Anvil” #5 (2014)

ru.theanarchistlibrary.org

2014

Становится всё сложнее понять, дело ли в том, что я слишком старый, больной и раздавленный, или в том, что меня окружают пространство и время, которые и сами по себе пропитаны маразмом, бессилием и крахом. Иногда мне кажется, что проблема лишь во мне самом, но затем я вижу людей, которые – хотя они и моложе, и здоровее меня – испытывают, по-видимому, ту же апатию, отчаяние и бессильную ярость. Быть может, дело не только во мне.

Один мой приятель нашёл объяснение этому крушению иллюзий относительно «всего», включая старомодную приверженность идеалам радикализма/активизма, в разочаровании текущим политическим режимом в США, который, как ожидалось, каким-то образом должен был ознаменовать отказ от реакционных амбиций, характерных для десятилетий, прошедших с 1980-х годов, или даже обозначить «прогрессивную тенденцию» к построению некоего демократического социализма. И хотя сам я не разделял подобного оптимизма (я всегда исхожу из того, что любой, кто даже *хотел бы* стать президентом США, определённно является убийцей и психопатом), мне стало очевидно, что «молодёжь» испытывает глубокое разочарование по поводу того, что либерализму оказалось не по силам переломить динамику капиталистического триумфализма. Этого отрезвление вылилось в подъём движения «Оссиру», а крах «Оссиру» ознаменовал разворот к тотальному отрицанию.

И всё же, мне кажется, подобный чисто политический анализ «нового ничто» может оказаться слишком плоским, чтобы объективно оценить, сколь глубоким было крушение всяких надежд на «перемены» в эпоху когнитивного капитала и технопатократии. Несмотря на мои остаточные хиппарские сентименты в духе власти цветов, я тоже ощущаю эту «предсмертную» тяжесть

(по выражению Ницше), по поводу которой я полушутя говорю, что мы, по крайней мере, дожили до будущего, и что ужасная правда о конце света заключается в том, что ему нет конца.

Собственно говоря, отныне и на века – один гигантский торговый центр в духе Дж. Г. Балларда и Филипа К. Дика.

ВОТ ОНО, будущее – ну как, успели им насладиться? Жизнь на руинах: не так уж плохо с точки зрения буржуазии, лояльной прислуги одного процента. Руины с кондиционерами воздуха! Никакого тебе рагнарёка, прорыва, драматической развязки: лишь бесконечный повтор полицейских реалити-шоу по ТВ. 2012 год наступил и закончился, а мы всё ещё в должниках у какого-то безликого банка, по-прежнему прикованы к нашим экранам.

Похоже, что большинству людей – хотя бы лишь для того, чтобы выжить, – нужно окружить себя полумраком «иллюзии» (снова цитируя Ницше), убеждающей их в том, что всё идёт своим чередом, что бывают хорошие дни, а бывают плохие, но в сущности всё обстоит точно так же, как в 10 000 году до н.э., или в 1492 году н.э., или как будет в следующем году. Некоторым даже необходимо верить в прогресс, в то, что будущее сможет решить все наши проблемы и даже что мы живём куда лучше, чем, скажем, люди V века н.э. Скажем спасибо современной науке за то, что теперь мы можем жить дольше – конечно, добавочные годы мы по большей части проводим в виде «медицинских объектов», больных и изношенных, но поддерживаемых на плаву с помощью пилюль и машин, обеспечивающих хорошую прибыль небольшому числу мегакорпораций и страховых компаний. Нация струльдбругов.

Так и есть, мы задыхаемся в чаду, производимом властью наших полоумных машин в денежной нумисфере. Сегодня на планете крутится по меньшей мере в десять

вал э. э. каммингс (поэт и анархист), существует дерьмо, с которым мы не сможем смириться ни при каких обстоятельствах, ибо в противном случае мы объявили бы врагом самих себя. Встал, отряхнулся, пошёл. Можно выращивать розы и даже гоняться за эгоистическими наслаждениями, коль скоро кое-где ещё поют птицы и цветут цветы. Быть может, на свете осталось место даже для любви...

всегда считал, что материя и дух тождественны и что уже только это дарует легитимность тому, что Теория называет «влечением».

В свете этого, похоже, что «революция повседневной жизни» по-прежнему не утратила смысл – хотя бы лишь в рамках второй стратегии, активного эскапизма или ВАЗ. Что касается третьего варианта – *Мести Заратустры*, – то может статься, что она покажет свою жизнеспособность в контексте нового нигилизма, по крайней мере, в своём философском аспекте. Однако поскольку я не могу поддержать её лично, этот вопрос для меня остаётся открытым.

Однако, на мой взгляд, именно в этом и обнаруживается причина того, что я и симпатизирую новому нигилизму, и дистанцируюсь от него. Я вроде как тоже считаю, что Хищнический капитализм победил и что никакая революция, в классическом её понимании, теперь невозможна. Но по какой-то причине я не могу выступить «против всего». В рамках Временной автономной зоны, по-видимому, всё ещё остаётся возможность «пожить полной жизнью», хотя бы лишь на мгновение, – и если такая позиция сводится к обычному эскапизму, то давайте же превратимся в Гудини. Возрождение интереса к индивидуализму явным образом связано с угасанием Социальных амбиций. Но ставит ли новый нигилизм также и крест на индивидуальных амбициях, на «союзе эгоистов» и ницшевских свободных духом? В хорошие дни я хотел бы верить, что нет.

Независимо от того, какую из этих трёх стратегий вы предпочтёте (или другие стратегии, которые я даже не могу себе вообразить), сдаётся, что самое главное – не соскользнуть в банальную апатию. Мы можем смириться с депрессией, как и можем мы смириться с бессильной яростью или революционным пессимизмом. Но, как говари-

раз больше денег, чем хватило бы, чтобы купить её с потрохами, – однако истребление видов продолжается, как и истребление пространства как такового, горные ледники по-прежнему тают, вода и воздух стали токсичными, как и культура, ландшафт приносится в жертву шельфовым месторождениям и гигантским торговым центрам, повсюду царит шумовой фашизм и т.д. и т.п. Впрочем, наука излечит нас от всех невзгод, которые наука же и породила, – только в будущем (или, как говаривал лорд Кейнс, в «долгосрочной перспективе», то есть когда мы все уже будем в могиле); а тем временем мы продолжаем потреблять планету и высирать её в качестве отходов – ведь это так удобно, эффективно и выгодно, а вдобавок, *это нам по душе*.

Так, ну это же обычный набор левацко-либеральных клише, верно? Слышал всё это миллион раз. Широкий зевок. Как уныло, как инфантильно, как тщетно. И даже если бы всё так и было... что мы можем поделаться? Если даже наши миропомазанные лидеры не могут ничего изменить, то кто сможет? Бог? Дьявол? «Народ»?

Все модные «решения» этого «кризиса» – от электронной демократии до революционного насилия, от призывов потреблять только местную продукцию до побрякушек на солнечных батарейках, от регулирования финансовых рынков до всеобщей забастовки – все они, сколь бы нелепыми или изошрёнными они ни были, упираются в необходимость одного предварительного радикального изменения – сейсмического сдвига в человеческом сознании. Пока этого не произойдёт, любые надежды на реформы останутся тщетными. А если бы это каким-то образом и случилось, потребность в каких-либо «реформах» отпадёт сама по себе. Мир просто станет другим. Киты будут спасены. Никаких больше войн. И так далее.

Какая сила могла бы (хотя бы в теории) осуществить такой разворот? Религия? Все 6000 лет, пока существует организованная религия, дела шли только хуже и хуже. Психоделики в водохранилищах? Календарь Майя? Ностальгия? Террор?

Вероятно, если катастрофа уже неизбежна, события будут разворачиваться по сценарию «выживальщиков», и нескольким отважным миллионам удастся обустроить зелёную утопию посреди дымящейся пустоши. Но разве капитализм не отыщет способ навариться даже на конце света? Кто-то мог бы сказать, что он уже этим и занимается. Возможно, подлинная катастрофа принимает вид финального апофеоза товарного фетишизма.

Давайте поспекулируем и представим, что этот райский сад инструментов власти и звуковых сигналов заднего хода – это всё, что у нас есть, и всё, на что мы можем рассчитывать. Капитализму по силам справиться с глобальным потеплением – он может торговать надутыми жилетами и страховками от катаклизмов. Ничего не попишешь, скажем мы, но по крайней мере у нас есть ещё телевизор и твиттер. «Конец детства», т.е. дети как идеальные потребители, жадные до брендов. Терроризм или сеть магазинов на диване – выбирай, э (демократия значит *выбор*).

Похоже, с того времени, как Историческое социальное движение почilo в бозе в 1989 году (последний хрип зловещего и «короткого» XX века, начавшегося в 1914 году), единственной из появившихся альтернатив Капиталистическому неолиберальному тоталитаризму стал религиозный неофашизм. Я понимаю, почему кто-то может захотеть превратиться в воинствующего говнюка от фундаментализма – я даже симпатизирую, – но из того, что я сочувствую больным проказой, вовсе не следует, что мне тоже нужно её подхватить.

их критику – фактически, мне кажется, её духом в значительной степени пропитано это эссе: назовём его духом созидательного отчаяния. Однако чего я не могу понять, так это их *программу* – если таковая имеется вообще. «Что делать?» – в конце концов, первыми этот лозунг озвучили нигилисты, и лишь затем его экспроприировал Ленин. Полагаю, что моя стратегия №1, пассивный эскапизм, с их повесткой не совместима. Что же касается активного эскапизма, то суффикс «изм» намекает не только на некую идеологию, но и на некое *действие*. Какая стратегия вытекает из логики этой позиции?

Как анимист, я считаю, что мир (вне рамок цивилизации) является одушевлённой сущностью. Смерть Бога означает возрождение *богов*, на что указывал Ницше в своих «безумных» туринских письмах – воскрешение великого бога ПАНА – хаоса, Эроса, Геи, Древней ночи (на языке Гесиода) – Онтологической анархии, Влечения, самой Жизни, равно как и Мрака бунта и отрицания – всё это для меня настолько реально, насколько может потребоваться.

Я по-прежнему исповедую определённую разновидность духовного анархизма – при этом рассматривая её исключительно как ересь или язычество, а не как ортодоксию или монотеизм. Я испытываю огромное уважение к Дороти Дэй – её тексты сильно повлияли на меня в 60-е годы – и к Ивану Илличу, с которым я был лично знаком – но, в конечном счёте, я не могу избавиться от когнитивного диссонанса, возникающего при попытке скрестить анархизм с Папой Римским! Тем не менее, я могу поверить в возможность *повторного оязычивания монотеизма*. Я придерживаюсь этой языческой традиции, потому что я воспринимаю космос как нечто живое, а не как «безжизненную материю». Как человек, посвятивший психоделике всю свою жизнь, я

с издательским коллективом Autonomedia, с IWW, Обществом Джона Генри Маккея (левые штирнерианцы) и старым Либертарным книжным клубом в Нью-Йорке (основанном товарищами Эммы Гольдман – с некоторыми из них я был знаком лично, все они уже умерли). На протяжении 18 лет я вёл передачу на радио WBAI (тихоокеанское побережье). В 90-е я выступал с лекциями по всей Западной и Восточной Европе. Спасибо, я отлично провёл время. Только вот анархизм теперь кажется ещё менее достижимым, чем в 1984 году, не говоря уже о 1958-м, когда я впервые примкнул к анархистам под впечатлением от «Krazy Kat» Джорджа Херримана. Ну что ж, таков удел экзистенциалиста – никогда ни перед кем не оправдываться.

В последние годы в анархистских кругах наметилась «обратная» тенденция – возрождается интерес к индивидуализму Штирнера/Ницше – ибо, в конце концов, неужели остался хоть кто-то, способный воспринимать всерьёз идеи анархо-коммунизма или синдикализма? Поскольку я уже много десятилетий придерживаюсь этой индивидуалистской позиции (хотя и несколько омрачённой моими восторгами по поводу Шарля Фурье и некоторых «духовных анархистов» вроде Густава Ландауэра), очевидно, такой разворот я могу только приветствовать.

Похоже, «зелёные анархисты» и антицивилизационные неопримитивисты (некоторые из них) начинают тяготеть к новому для себя полюсу, *нигилизму*. Быть может, более удачно этот тренд можно было бы охарактеризовать как неонигилизм, поскольку эта тенденция не сводится к простому копированию нигилизма русских народников или французских аттентатистов 1890–1912 годов, независимо от того, сколь многое новые нигилисты хотели бы позаимствовать у своих предшественников. Я разделяю

Когда я пытаюсь сохранить осколки своего былого антипессимизма, я фантазирую о том, что, может быть, конец истории ещё не наступил, что всё ещё есть шанс на то, что нарисуеться некая Популистская зелёная социал-демократия, чтобы бросить вызов похабному самодовольству «финансовых интересов», – что-нибудь в духе скандинавского монархо-социализма 1970-х годов, который задним числом кажется самой гуманной формой государства из всех, что цивилизация когда-либо отрывала из своей гнилостной пасти. (Представляется Амстердам в его лучшие годы.) Разумеется, как анархисту, мне всё равно пришлось бы ему противостоять – но, по крайней мере, я мог бы утешать себя верой в то, что у анархии в такой ситуации есть хоть какие-то шансы на успех. Впрочем, даже если бы такое движение могло возникнуть, можно, мать его, биться об заклад, что это произойдёт где угодно, только не в США. Как и не в какой-нибудь призрачной обители омертвелого марксизма. Может, в Шотландии?!

Было бы совершенно напрасно сидеть и дожидаться такого пробуждения Социальных амбиций. Прошли годы с тех пор, как множество радикалов оставили всякую надежду на революцию, а те немногие, что не утратили веру, напоминают мне религиозных фанатиков. Быть может, впадение в подобную доктринальную революционность и приносит какое-то утешение – находят же люди утешение в религиозном мистицизме, – однако в моих глазах обе эти альтернативы утратили свою пикантность. Повторюсь, что я симпатизирую искренне верующим (хотя и не слишком, если они впадают в авторитарное левачество или фашизм) – только вот, положи руку на сердце, я слишком подавлен, чтобы их иллюзии могли меня увлечь.

Если допустить, что обрисованный выше сценарий конца времён вполне правдоподобен, то какие у нас остаются альтернативы, кроме суицидального отчаяния? После долгих размышлений я сформулировал три ключевые стратегии.

1) **Пассивный эскапизм.** Не высывайся и не гони волну. Капитализм позволяет великое множество «стилей жизни» (ненавижу это словосочетание) – просто выбери свой и пытайся получать удовольствие. Тебе позволено быть даже обмазанным грязью фермером, живущим без электричества и двигателей внутреннего сгорания, подобно атеистической версии отказника из секты амишей. Хотя, может, и нет. Но, по крайней мере, тебе позволено *флиртовать* с подобным укладом. «Попыхивай трубочкой, кушай курочку и попивай чаёк», как говаривали мы в 60-е в Мавританском храме Америки, нашем психоделическом культе. Молись, чтобы тебя не поймали. Втиснись в какую-нибудь дозволенную категорию, вроде неохиппи или даже анабаптистов.

2) **Активный эскапизм.** В рамках этого сценария ты пытаешься подготовить оптимальные условия для возникновения Автономных зон, будь то временные, периодические или даже (полу)постоянные. В 1984 году, когда я впервые ввёл в оборот этот термин, я рассчитывал, что Временные автономные зоны (ВАЗ) станут *дополнением* к Революции – хотя, говоря откровенно, уже тогда я устал ждать момента, который, похоже, мы проморгали ещё в 1968 году. В теории, ВАЗ могли бы стать предвестием, возможностью причаститься к подлинным свободам: по сути, предполагалось, что ты попытаешься жить так, как будто революция уже наступила, дабы не сойти в могилу, так и не отведав «подлинной свободы» (*liberté libre*, как говорил Рембо). Создать свою личную пиратскую утопию.

Конечно, как мы понимаем, проблема с традиционалистами заключается в том, что они всегда недостаточно традиционны. Они оглаживались на утраченную цивилизацию, видя в ней свою «цель» (религию, мистицизм, монархизм, искусства и ремёсла и т.д.), в то время как им следовало бы осознать, что *подлинная* традиция – это «первобытная анархия» каменного века, трайбализм, охота и собирательство, анимизм – то, что я называю Неандертальским фронтом освобождения. Описывая подобную разновидность анархизма, Пол Гудман использует термин «неолитический консерватизм», однако было бы более корректно говорить о «палеолитической реакции»!

Ещё одна большая проблема с правым традиционализмом заключается в эмоциональной окраске этого движения – оно насквозь пропитано подавлением чувственности. Достаточно грубого райховского анализа, чтобы показать, что авторитарное тело является отражением травмированной души и что только анархия совместима с подлинным раскрытием личности.

Возникшие в 90-е европейские новые правые развивают всё ту же идею – причём, тут мы имеем дело не просто с вульгарными националистическими шовинистскими антисемитскими гомофобными гопниками, а с интеллектуалами и художниками. Я считаю их *злом*, но это не значит, что я нахожу их скучными. Кое в чём я с ними даже *согласен*. Они тоже ненавидят нанотехнологов!

И хотя в 1960-е я тоже пытался взорвать пару бомб (против войны во Вьетнаме), по большому счёту я рад, что они не сработали (я никогда не дружил с технологией). Это избавляет меня от размышлений о том, испытывал бы я «угрызения совести». Вместо этого я избрал путь пропагандиста и с 1984 по 2004 год озвучивал свои идеи в анархистских средствах информации. Я сотрудничал

Но это не означает, что постанархистские анархисты идентичны постфашистским фашистам!

Мне вспоминается обстановка во Франции времён *fin-de-siècle*, когда между анархистами и монархистами образовался странный альянс; в качестве примера можно привести *Cercle Proudhon*. Этот сюрреалистический гибрид возник по двум причинам: а) обе фракции глубоко ненавидели либеральную демократию, и б) у монархистов водились деньжата. Этот союз оставил после себя жутковатое потомство – вспомним хотя бы Жоржа Сореля. Да и Муссолини, как известно, на заре карьеры был анархо-индивидуалистом!

Ещё одну линию соприкосновения между левыми и правыми можно обнаружить в своеобразном экзистенциализме – мне кажется, и в этом случае отцовство следует признать за Ницше. С левого фланга мы находим таких интеллектуалов, как Жид или Камю. С правого – просветлённого злодея барона Юлиуса Эволу, который, в бытность свою в Риме, подстрекал своих ультраправых *groupuscules* к восстанию против мира модерна – несмотря на то, что реставрация традиции была абсолютно недостижимой мечтой, – хотя бы лишь в акте магической самореализации, ценной самой по себе. Сущее превышает сущности. Не стоит заикливаться на ничтожных *результатах*. Нет сомнений, что тиккуновский пиетет относительно «совершенного сюрреалистического акта» (разрядить револьвер в случайных прохожих и «невинных жертв») несёт на себе отпечаток всё того же *жеста отчаяния*. (К слову, должен признаться, что именно это – к моему сожалению – всегда мешало мне проникнуться идеями сюрреализма: это просто чересчур жестоко. По той же причине не вызывает у меня восторга и де Сад.)

Разумеется, ВАЗ может быть столь же скоротечной и незамысловатой, как по-настоящему хороший званый ужин, однако подлинный автоном захочет развить этот потенциал в своём стремлении к более долговременному и глубокому опыту самобытной жизни. Почти неизбежно это сопряжено с *преступлением*, и поэтому необходимо научиться думать, как преступник, а не как жертва. В терминах Берроуза, быть «Джонсоном» с большой буквы, а не «марком» с маленькой. Как ещё можно жить (и жить хорошо), избегая порочного круга Работы? Ох уж эта работа, проклятие мыслящего класса. Зарплатное рабство. Быть может, если тебе посчастливится стать успешным художником, ты сможешь позволить себе относительную автономию, не нарушая при этом самых явных законов (за возможным исключением законов хорошего вкуса). А ещё можно получить миллионное наследство. (Сумма больше миллиона стала бы проклятием.) Забудь о революционной этике – вопрос в том, *по карману ли* тебе вкусить свободы? Что касается большинства из нас, преступление станет не только источником удовольствия, но и необходимостью. Выдумывать ничего не надо, старые анархо-иллегалисты уже показали пример: индивидуальная экспроприация. Конечно, быть пойманным было бы равносильно полному фиаско – однако *риск* неотделим от личностного раскрытия.

В контексте активного эскапизма я раздумываю ещё об одном возможном сценарии – поселиться в удалённой сельской местности в компании нескольких сотен других либертарных социалистов: этого было бы достаточно, чтобы захватить местное самоуправление в свои руки (на муниципальном или даже региональном уровне) и даже избрать или контролировать шерифов и судей, членов родительского/преподавательского комитета, добровольной пожарной дружины, а то и управления во-

доканала. Найти площадку для культивации нелегальных *phantastice* и совершенствоваться в этом филигранном ремесле. Организовать «Союз эгоистов» ради взаимопомощи и экстатических наслаждений – быть может, маскируя их под «коммуны» или даже монастыри, без разницы. Наслаждаться, покуда всему этому не настанет конец.

Я знаю наверняка, что в нескольких регионах Америки этот план показал свою жизнеспособность – хотя, разумеется, я не раскрою *всех* карт.

Ещё одна возможная модель для индивидуальных эскапистов – *странствующий искатель приключений*. Учтывая, что весь мир, похоже, превращается в одну гигантскую парковку или социальную сеть, я не уверен, что эта альтернатива всё ещё реализуема, хотя и не могу этого исключать. В данном случае фокус заключается в том, чтобы путешествовать там, куда не суются туристы – если такие места вообще ещё остались, – и окунаться в захватывающие и опасные приключения. Например, если бы мне позволяли возраст и здоровье, я бы направился во Францию, чтобы присоединиться к ВАЗ, которые выросли там на фоне протестов против строительства нового аэропорта – или в Грецию – или в Мексику – куда угодно, лишь бы там пробивались порочные ростки бунтарского духа. Конечно, возникает проблема финансирования. (В текущих реалиях пересылка на родину статуй, набитых гашишем, едва ли будет хорошей идеей.) Как оплачивать жизнь, полную приключений? Сердце подскажет. Это не так уж и важно, если вы разделяете идеалы площади Тахрир или Зукотти-парка – главное, просто там *быть*.

3) **Месть**. Я называю её *Местью Заратустры*, ведь, как говорил Ницше, быть может, месть переоценена, но она точно имеет свою цену. Можно понять удовольствие, которое испытывает человек, повергнув убудков в ужас

хотя бы на несколько коротких мгновений. Когда-то я выступал за «поэтический терроризм», предпочитая его физическому насилию, – идея была в том, что искусство можно использовать как оружие. Но сегодня я сомневаюсь на этот счёт. **Ведь, судя по всему, и оружие можно использовать как искусство.** Начиная с кувалды луддитов и заканчивая чёрной бомбой аттентата, разрушение могло бы стать формой творческого выражения, ценного самого по себе или по чисто эстетическим соображениям, без всяких иллюзий касательно революции. Оскар Уайльд плюс *acte gratuit*: дендизм отчаяния.

Что тревожит меня в этой идее, так это то, что в этом случае кажется невозможным отличить акции постлевых анархо-нигилистов от акций постправых неотрадиционалистских реакционеров. Раз уж на то пошло, бомбу могут взорвать и фанатики-фундаменталисты – в чём будет разница с точки зрения жертв или «невинных прохожих»? Подрыв лаборатории нанотехнологий – какие есть основания предполагать, что подобный поступок будет делом рук отпетого монархиста, нежели нищестанствующего анархиста?

Я был восхищён, когда в недавней книге за авторством Тиккун («Теория Блума») неожиданно обнаружил целую плеяду – Ницше, Рене Генон, Юлиус Эвола *и т.д.* как примеры острой и обоснованной критики синдрома Блума – т.е. прогресса как иллюзии. Разумеется, у позиции «вне разделения на правых и левых» имеется две стороны: одна сближается с левой, другая – с правой. Европейские новые правые (Ален де Бенуа и его банда) с большим почтением относятся к Ги Дебору, и по тем же причинам (им близка его критика, а не его проекты). Сегодняшние постлевые способны разглядеть в традиционализме реакцию против модерна в той же мере, в какой неотрадиционалисты симпатизируют ситуационистам.